

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Н. Т. ВОЙТОВИЧ

О ПОЗИЦИОННОЙ ДОЛГОТЕ ГЛАСНЫХ И РАЗВИТИИ АКАНЬЯ

1. До недавнего времени существовало мнение, что современные восточнославянские языки вообще не знают долгих гласных. Однако постепенно стали накапливаться сведения о наличии в некоторых говорах долготы гласных в предударном слоге. К сожалению, эти данные длительное время оставались разрозненными наблюдениями.

В процессе собирания и обработки материалов для «Диалектологического атласа белорусского языка» привлекли внимание записи начала 50-х годов, в которых ударение почему-то было поставлено на предударном слоге: *вбду, кáс'иў, траўы* (несколько населенных пунктов Брагинского, Хойникского и Калинковичского районов Гомельской области БССР). В д. Спярыжока Брагинского района наблюдатели отметили, что «говор характеризуется растягиванием каждого слова и ударением в большинстве слов на первом слоге»: *пра́жыя, ко́л'ис', па́дрос, ха́джу, ва́з'ила, бра́ты*. Затем А. А. Кривицким была обследована группа говоров Калинковичского района (7 нас. пп.), прозванных «овтюковскими» по названию сел Большие и Малые Овтюки; в сделанном им кратком описании фонетических особенностей этих говоров отмечался окающе-акающий характер вокализма и наличие долготы и «специфической интонации» в предударном слоге в позиции перед слогом с гласными верхнего подъема под ударением: *вбдў, зрбб'иў, ма́лы, пл'ету́*¹.

В 1958 г. нами с Л. Ф. Шаталовой был обследован говор д. Малые Овтюки, сделана магнитофонная запись. Фонетико-грамматические особенности позволяют соотносить этот говор с говорами юга Белоруссии. Ударенный вокализм характеризуется семифонемным составом гласных: *а, о, е, в, ё, у, и (ы)* и наличием перехода *а* в *о* в позиции перед *ў*: *доў, броў, прбўда*, а также переходом *а* в *е* перед *ј*: *давёй, крей, продёй, М'иколёй, хаз'ёйка*. Для говора характерно дзеканье и цеканье, твердость шипящих, *ц, р*, мягкость согласных перед гласными переднего ряда и другие черты.

Безударный вокализм после твердых согласных является окающе-акающим. В отличие от остальных окающе-акающих белорусских говоров соотношение оканья и аканья осложняется наличием долготы гласных верхнего подъема в первом предударном слоге в позиции перед гласными верхнего и верхне-среднего подъема под ударением: *вблы́², Мбсквёй, калдсы; ко́с'иц', молбдз'ица, Трбх'им; ко́жўц, пбдўшка, пбйдў, кбн'ў*, а также, только менее последовательно, перед гласными верхне-среднего подъема *б, ё*: *пбквс, кбрдўцы, пбйм'вш; пбб'ёг, голбв'ё, кбл'ёна, кбп'ёйка, пбв'ёц'*. Предударное *о* в этих словах произносится длительно, как бы

¹ А. А. Кривицкі, Фанетычныя асаблівасці адной з гаворак поўдня Беларусі, «Працы Інстытута мовазнаўства АН БССР», VI, Мінск, 1959, стр. 102—103.

² Знак $\bar{}$ обозначает длительность гласного, точка над гласным указывает на слабое динамическое ударение.

нараспев, замечается как бы два ядра гласного: *лѳды*, тон голоса повышается в начале слога при дальнейшем его снижении в пределах слога и еще большем снижении на слоге, соответствующем ударенному слогу. Поэтому предударный слог звучит сильнее, чем под ударением; в речевом потоке, особенно при быстром темпе речи, создается впечатление переноса ударения на предударный слог: *кѳшу*, *вѳлы*, *нѳ'ила* (тоже и при магнитофонной записи)³; окружающее население, передразнивая овтюковцев, также переносит ударение на первый предударный слог и растягивает гласный этого слога.

На осциллограммах отчетливо выступает долгота предударного *о* перед *у*, *и* под ударением (*хѳдз'ила*, *на вѳйну*), значительно большая, чем долгота ударенных *у*, *и* в этих словах, и большая, чем долгота *а* в слове *война*. Амплитуда колебания у предударного *о* перед ударенными гласными верхнего подъема значительно большая, чем перед остальными ударенными гласными. При наличии долготы предударного гласного ударенный гласный почти не выделяется по силе и долготе среди безударных гласных (см. примеч. 4).

В таких же условиях — перед слогом с гласными верхнего и верхне-среднего подъема под ударением — проявляется долгота и восходяще-нисходящее движение тона на предударном *а*: *нашыла*, *травы*, *машына*; *журав'ины*, *запл'у'й*, *брызг'дз'ур*, *м'ал'ины*; *кан'уста*, *траву*, *г'ал'ушка*; *з'авѳд*, *наѳва*, *наѳв'е'й*.

В остальных позициях длительность предударного гласного не наблюдается, ударение обычное.

Аналогичные явления наблюдаются и в системе вокализма после мягких согласных. Перед гласными верхнего и верхне-среднего подъема под ударением на месте предударного *е* из *е*, *ѳ* обычно произносится долгое *е* с восходяще-нисходящим движением тона. При быстром темпе речи также создается впечатление переноса ударения на предударный слог; при нормальном темпе речи слышится слабое ударение на обычном месте: *вѳсн'у*. Ср. на месте *е*: *б'ер'у*, *с'ѳстр'у*, *св'ѳкр'уза*; *в'ѳсны*, *л'ѳшчына*, *з'ѳмл'и*, *л'ѳу'йц'*; *н'ѳс'ѳш*, *С'ѳрг'ѳй*; на месте *ѳ*: *б'ѳд'у*, *с'ѳк'уц'*, *наб'ѳл'у*; *б'ѳды*, *дз'ѳды*, *б'ѳдз'ѳ*. Перед остальными ударенными гласными долгота 'е', 'а не наблюдается: *с'ѳло*, *н'ѳта*, *н'ѳйѳ*, *с'ѳстра*.

Гласные неверхнего подъема после твердых шипящих, *ц*, *р* в позиции перед ударенными гласными верхнего и верхне-среднего подъема также имеют долготу: *шѳп'т'н*, *рѳк'у*, *ж'ар'у*, *ч'аст'ушка*; *нчѳлы*, *ц'аны*, *ч'асы*, *пѳгрѳб'ы*; *рѳк'и*, *ншѳн'ица*; *ч'асѳу*, *кашѳл'б'у*, *дз'ѳшѳв'ѳй*, *ц'ан'ѳ*, *рѳцѳ*.

Таким образом, долгота и движение тона предударных гласных неверхнего подъема (*а*, *о*, *е*) в позиции перед гласными верхнего и верхне-среднего подъема под ударением п о з и ц и о н н о охватывают всю систему вокализма овтюковского говора, но фонематического значения не имеют. Гласные верхнего подъема перед всеми ударенными гласными долготы не имеют.

Обращает на себя внимание связь между позиционным функционированием долгих гласных и механизмом развития аканья. При наличии долготы предударный гласный неверхнего подъема сохраняет свое качество: *вѳды*, *кѳшу*, *хѳдз'ила*; *х'арчы*, *кан'уста*, *з'авѳд*, что поддерживает различение гласных неверхнего подъема, т. е. аканье. Случай аканья в по-

³ Впечатление переноса ударения на предударный слог может объясняться тем, что «русское ударение характеризуется не только большей интенсивностью, но и большей длительностью (в целом) ударного гласного сравнительно с безударным», поэтому «в синтезированном фонетическом слове русской речи, как известно, более долгий гласный производит на слушателя впечатление ударного» (см.: П. С. Кузнецов, К вопросу о происхождении аканья, ВЯ, 1964, 1, стр. 34).

зиции перед гласными верхнего подъема встречаются только спорадически. Перед ударенными *о, е* в предударном слоге *о* сохраняется непоследовательно, часто параллельно выступает *а*: *водбѳу* — *вадбѳу*, *кан'ѳм* — *кон'ѳм*. Наиболее широко проявляется аканье в позиции перед ударенным *а*: *сахá*, *пашá*, *гадавáла*, *нагá*, *камáр*, *барадá*, значительно реже здесь произносится *о*: *росá*, *конáц*'. После мягких согласных долгий гласный также сохраняет свое качество: *н'ѳсѳ*, *в'ѳсны*, *л'ѳц'ѳ*. Как и в остальных окающе-акающих говорах, развитие яканья отстает от развития аканья, поэтому для вокализма после мягких согласных характерно сосуществование еканья и различия гласных неверхнего подъема

Таблица 1

Гласные неверхнего подъема в первом предударном слоге		Гласные в слоге под ударением
на месте <i>о</i>	на месте <i>а</i>	
<i>ѳ</i> <i>о/а</i> <i>а</i> , реже <i>о</i>	<i>á</i> <i>а</i> , реже <i>о</i> <i>а</i>	<i>и, ѳ, у, ѳ, ѳ</i> <i>о, е</i> <i>а</i>

при слабо развитом яканье (на недолгих гласных): *в'арбá* — *в'ѳарбá*, *п'ѳсѳк* — *п'ѳсѳк* — *п'асѳк*, *в'ѳсна*, *с'ѳтрá*, *с'ѳло* и т. д.; *ѳармѳ*, *п'атá* — *ц'ѳгáц'*, *ѳечм'ѳн'у*.

В остальных безударных позициях вокализм после твердых согласных является окающе-акающим; в конечном открытом слоге обычно произносится *а*: *сáла*, *рáна*. Явственно проявляется тенденция к ассимиляции гласных соседних слогов: *баранá*, но *боронѳу*; *пахавáла*, *каравáц'и* — *холодѳк*, *говѳрыла*⁴.

Реализация гласных неверхнего подъема и соотношение оканья и аканья в первом предударном слоге представлены на табл. 1.

На таблице наглядно показано сохранение оканья в предударном слоге при долготе гласных неверхнего подъема и развитие аканья при отсутствии долготы. Легкая редукция гласных неверхнего подъема наблюдается и в остальных безударных слогах, что создает условия для развития аканья и в этих позициях: *хбладаж*, *мáла*. Поэтому аканье в овтюковском говоре, в отличие от остальных окающе-акающих говоров, более представлено во второй безударной позиции, чем в первой, так как в первом предударном слоге оно сдерживается долготой предударного гласного.

О наличии редукции безударных гласных в овтюковском говоре свидетельствует довольно распространенная утрата начального гласного *о* или *а*: *дна* «одна», *в'ѳчка* «овечка», *в'ѳс* «овес» и стяжение гласных на стыке слова: *аднѳ кнѳ*, *у дз'ѳжы* «у адз'ѳжы».

Таким образом, длительность, большая интенсивность произношения предударного гласного задерживают развитие аканья, так как этим создаются условия для сохранения качества гласного. Предударные *о, а* в позиции перед ударенными гласными неверхнего подъема произносятся значительно короче, с ослаблением напряженности артикуляции, с легкой редукцией. Редукция гласного приводит к ослаблению или утрате лабиализации *о*, к произношению слегка редуцированного гласного типа *ѳ, á* или звука, среднего между *о, а* (типа *о^ѳ*). Ослабление или утрата дифференциальных признаков ведет к совпадению *о* с *а*, т. е. к развитию аканья. Наибольшее развитие аканья наблюдается в позиции перед ударенным *а*, что широко распространено и в остальных белорусских окающе-акающих говорах.

Позиционная долгота гласных неверхнего подъема перед ударенными гласными верхнего и верхне-среднего подъема известна также в ряде го-

⁴ Более подробно о вокализме овтюковского говора см.: Н. Т. Войтович, К вопросу о путях развития аканья в восточнославянских языках, сб. «Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1970», М., 1972 (на стр. 21 см. осциллограммы слов с позиционной долготой гласных).

воров Черниговской области УССР. Впервые эта особенность была описана в статье О. Курило о говоре с. Хоробричи Городнянского района, где безударное *a* (из *a* и *o*, так как говор акающий), а также *ā* и *e* (несколько реже) звучат сильнее и с большей долготой перед ударенным слогом с гласными верхнего и верхне-среднего подъема: *tādi*, *kāl'ka*, *nājdū*, *C'ārg'ŭi*, *nādn'ŭsū*⁵. Указание на долготу гласных в такой же позиции находим у О. Синявского для говора с. Любеч⁶, у Ф. Т. Жилко для говоров нескольких населенных пунктов Любечского и Ришкинского районов⁷, у З. Г. Николаенко для говоров Любечского района⁸.

Достоверность наблюдений о позиционной долготе гласных неверхнего подъема в акающих черниговских говорах подтверждается экспериментальными исследованиями, проведенными в 60-х годах А. С. Белой. В говорах Щорского и Городнянского районов *a* из *a*, *o* приобретает долготу перед слогом с ударенными гласными *i*, *u*, *y*, *e*, *ie*: *rāb'i*, *nājdū*, *vājn'e*, *tāb'ie*, спорадически перед *o*, *ʷo* (возможно, перед *b*, *ɛʔ* — Н. В.). Сопоставление осциллограмм функционирования *a*, *e* в ударенном, предударных и заударных слогах показывает наибольшую длительность *a*, *e* в первом предударном слоге перед гласными верхнего подъема: для *a* — от 140 до 220 мсек, для *e* — от 120 до 180 мсек (*e* под ударением — всего 80—100 мсек)⁹. Таким образом, условия функционирования долгих гласных в черниговских говорах аналогичны овтюковским. Сопоставление систем вокализма в этих группах говоров указывает на их большое сходство, обусловленное генетическими связями. Различие заключается в том, что в черниговских говорах уже развилось аканье и в значительной степени яканье, а овтюковский говор еще окающе-акающий с весьма слабым проявлением яканья.

Следует обратить внимание на то, что выдвигание предударного слога, долгота гласного в предударном слоге известны и ряду русских говоров. Характерной чертой описанного Р. И. Аванесовым говора б. Переславль-Залесского уезда является сильное удлинение предударного слога с заметным повышением тона на начале предударного слога при дальнейшем его понижении в пределах слога; в первом предударном слоге сохраняется оканье, в единичных случаях слышится *a*: *anā*, *tavb*. В остальных предударных слогах наблюдается редукция гласных, особенно сильная во втором предударном слоге¹⁰. Аналогичные явления наблюдаются и в других владимирских говорах, которые характеризуются отчетливым, сильным произношением первого предударного слога при частой редукции второго предударного и заударных слогов¹¹. Еще Н. Н. Дурново отмечал, что большинство окающих говоров б. Нижегородской и Симбирской губ. отличается особой интонацией, пред-

⁵ О. Курило, Фонетичні та деякі морфологічні особливості говірки села Хоробричів, Київ, 1924, стр. 14—15, 36—38.

⁶ О. Синявський, Замітки про мову с. Любеча на Чернігівщині, «Мовознавство», 1934, 1, стр. 92—93.

⁷ Ф. Т. Жилко, Перехідні говірки від української до білоруської мови в північно-західних районах Чернігівщини, «Діалектологічний бюлетень», IV, Київ, 1953, стр. 11—12.

⁸ З. Г. Николаенко, Говори Любечского района Черниговской области. АКД, Ужгород, 1952.

⁹ О. С. Біла, Довгі голосні в зоні українсько-білоруських міждіалектних контактів, «Праці XIII республіканської діалектологічної наради», Київ, 1970.

¹⁰ Р. И. Аванесов, О говоре Переславль-Залесского уезда Владимирской губернии, «Труды постоянной комиссии по диалектологии русского языка», 9, Л., 1927, стр. 67—68, 70.

¹¹ Г. Ф. Нефедов, Оканье в севернорусских говорах, «Докл. и сообщ. филол. фак-та МГУ», 2, 1947, стр. 28.

ударный слог произносится с сильным повышением, что производит впечатление двух ударений в слове; наблюдается редукция в не первых перед ударением и заударных слогах¹².

Эти наблюдения подтверждаются новейшими данными. Среди восточных среднерусских говоров специфическими особенностями безударного вокализма выделяется Владимирско-Поволжская группа. Гласные первого предударного слога в этих говорах произносятся почти с той же силой, что и гласные под ударением, а гласные других предударных слогов всегда значительно слабее и короче гласных как ударенного, так и первого предударного слога. Поэтому во втором предударном слоге возможна редукция предударных гласных, приводящая в некоторых говорах к нулю звука в речевом потоке. В первом предударном слоге, как и под ударением, гласные находятся в сильном положении, вследствие чего существует последовательное различие гласных неверхнего подъема после твердых (оканье) и после мягких согласных. В заударных слогах возможно непоследовательное неразличение гласных, а и о могут совпадать в ъ, в южной части существует последовательное неразличение и совпадение их в звуке ъ или а¹³.

Обращает на себя внимание, что во владимирско-поволжских говорах, как и в овтюковских и черниговских, существует долгота предударного гласного, отмечается большая сила и специфическая интонация при его образовании, выдвигание и сила предударного слога при большем ослаблении остальных предударных и заударных слогов. Однако из этих сообщений остается неясным, в каких условиях предударные гласные имеют долготу, зависит ли появление долготы на предударном гласном от качества гласного под ударением. Если в этих говорах обнаружатся следы позиционной долготы гласных, зависимость предударного гласного от качества гласного под ударением, то в этом следует усматривать явления, аналогичные позиционной долготе гласных овтюковского и черниговского типа, дошедшие до нашего времени в более разрушенном и стертом виде. В таком случае можно будет сделать вывод, что позиционная долгота имела место на значительно большей части восточнославянской территории, чем мы знаем об этом сейчас. Поэтому изучение явления долготы гласных предударного слога во Владимирско-Поволжской группе говоров, а также и в других русских говорах, где она будет обнаружена, приобретает первостепенное значение.

Кроме того, следует обратить внимание на перенос ударения на первый предударный слог, отмеченный в местных и устаревших словах в ряде современных русских говоров — псковских, костромских, Кировских и архангельских. Возможно, что перенос ударения на предударный слог, выявленный В. В. Колесовым в акцентованных севернорусских памятниках: *дѣбра*, *дѣбру*, *дѣбромъ*, *дѣбрѣ*, *дѣбри*, *дѣбровѣ* и т. д., отразил в некоторых памятниках не развитие свободного неподвижного ударения, а передачу долготы гласного первого предударного слога.

Характерно, что в приведенных В. В. Колесовым примерах ударение более последовательно ставится на первом предударном слоге перед ударенными гласными верхнего подъема, тогда как перед а, о возможны параллельные написания: *збрахъ* — *горѣхъ*, *дѣбровѣ* — *дѣбрѣвѣ*. Автор указывает, «что к XVI в. северные русские говоры почти последовательно развили свободное неподвижное ударение во всех грамматических категориях слов». «В дальнейшем, в эпоху образования национального русско-

¹² Н. Н. Дурново, Отчет экспедиции для определения границы оканья и аканья, «Труды МДК. РФВ», 71, 2, Варшава, 1914, стр. 371.

¹³ «Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров», М., 1970, стр. 357—359, 378.

го языка, развитие акцентуационных типов, определяемое исторической традицией и, надо полагать, так и не достигшее полной завершенности для всех типов слов, было прервано интенсивным влиянием общерусских норм, и древнее севернорусское ударение сохранилось только в виде остатков, хотя и значительных временами (особенного внимания заслуживают старые записи по отдаленным районам Костромской области)¹⁴. Встает вопрос: не подобно ли это явление выдвигению предударного слога во владимирско-поволжских говорах, но прерванному в своем развитии? Ответ на этот вопрос требует тщательной проверки диалектного и исторического материала.

2. Не менее важен вопрос о связи между условиями развития аканья и функционированием позиционной долготы в говорах восточнославянских языков.

Обращает на себя внимание, что аканье при позиционной долготе в черниговских говорах имеет некоторое сходство с диссимильативным аканьем архаического типа (это было отмечено О. Курило для говора с. Хоробричи¹⁵, вокализм которого мы приводим в качестве примера на табл. 2, так как в нем сохранились гласные \hat{o} , \hat{e}):

Таблица 2

Аканье в говоре с. Хоробричи		Диссимильативное аканье архаического типа		
гласные неверхнего подъема в первом предударном слоге		гласные неверхнего подъема в первом предударном слоге		гласные под ударением
на месте <i>o</i>	на месте <i>a</i>	на месте <i>o</i>	на месте <i>a</i>	
\bar{a} <i>a, \bar{a}</i>	<i>и, ъ, у, \hat{o}, \hat{e}, a, o, e</i>	<i>a ъ</i>	<i>и, ъ, у, \hat{o}, \hat{e}, a, o, e</i>	

Общим для этих типов вокализма является: а) большая длительность гласных неверхнего подъема в позиции перед гласными верхнего и верхне-среднего подъема, б) зависимость качества предударного гласного от характера гласного под ударением, в) совпадение *a* и *o* перед гласными верхнего и верхне-среднего подъема в *a*. Различие между обоими типами вокализма заключается только в степени длительности гласных неверхнего подъема перед гласными верхнего и верхне-среднего подъема и в степени редукции их перед гласными неверхнего подъема, т. е. связано с количественными отношениями. В черниговских говорах гласные неверхнего подъема имеют большую долготу перед гласными верхнего подъема и большую долготу и полновесность перед гласными неверхнего подъема, чем при диссимильативном аканье архаического типа.

Таким образом, сходство этих типов вокализма проступает явственно. Но считать вокализм говора с. Хоробричи диссимильативным в его первичной или одной из первичных стадий, как это делала О. Курило¹⁶, нет оснований: это недиссимильативное аканье, сопровождающееся развитием в начальной стадии недиссимильативного (сильного) аканья. Недиссимильативное аканье развилось и в остальных черниговских говорах с пози-

¹⁴ В. В. Колесов, О некоторых особенностях фонологической модели, развивающей аканье, ВЯ, 1964, 4, стр. 68—70.

¹⁵ О. Курило, До питання про умови розвитку дисимільативного аканья, «Зап. істор.-філолог. відділу Укр. акад. наук», кн. XVI, Київ, 1928, стр. 48, 60, 62—64.

¹⁶ Там же, стр. 62.

диционной долготой гласных. Недиссимильативное аканье на основе оканья развивается и в овтюковских говорах. В связи с этим создается впечатление, что принципиальной разницы между недиссимильативным аканьем в говорах с позиционной долготой и диссимильативным аканьем архаического типа нет, различие заключается лишь в количественных отклонениях гласных.

Мысль об отсутствии принципиальной разницы в развитии диссимильативного и недиссимильативного аканья может показаться парадоксальной. Может быть, сходство возможно только в говорах с сохранением позиционной долготы гласных неверхнего подъема перед гласными верхнего подъема и при архаическом типе аканья?

Весьма интересны наблюдения О. Брока над говорами с диссимильативным аканьем. В ивонинском говоре он отмечал, кроме общего экспираторного выделения ударенного слога, и выделение первого предударного слога среди остальных безударных, его большую экспираторную силу и высокий тон. Гласный *a* (на месте *o*, *a*) в первом предударном слоге в позиции перед «не-*a*» под ударением заметно удлиняется, достигая, если не превышая, по степени длительности гласный под ударением: *вады́*, *ваду́*, *вадо́й*. Произношение «по слогам», «поющий» тон голоса особенно заметны у стариков и детей. То же самое отмечается автором и в других говорах этой местности (с. Котово, Шелоки, Сельцо и др.). В с. Котово старый темп речи — замедленный; предударный слог «лежит выше», в ударенном слоге тон более низкий¹⁷. Нам представляется, что эти наблюдения О. Брока также позволяют установить некоторые параллели с развитием аканья в овтюковских и черниговских говорах: удлинение и более высокая тональность предударного гласного, спад тона на ударенном слоге, зависимость предударного гласного от качества ударенного и т. д.

Обратимся к современным говорам, развивающим аканье. Оказывается, что реакция предударного гласного на качество или подъем ударенного наблюдается не только в овтюковских, но и в остальных окающе-акающих белорусских говорах. В говорах западной и южной части Гомельской области вследствие реакции предударного гласного на качество ударенного при развитии аканья создаются различные варианты вокализма переходного типа: а) начальный этап — ассимильативное аканье при оканье, при котором *a* на месте *o* появляется в позиции перед ударенным *a*: *вада́*, но *вады́*, *вадо́й*; б) аканье перед гласными верхнего и нижнего подъема, в одних говорах еще непоследовательное, в других — последовательное: *вада́*, *вады́*, *ваду́*, но *вадо́й*, *вада́'э*; в) аканье с ассимильативным оканьем, при котором *o* сохраняется только в позиции перед ударенным *o*: *вадо́й*, но *вада́*, *вады́* и т. д. Обычно эти типы вокализма не выдерживаются в «чистом виде», но отмеченные этапы развития аканья зафиксированы во многих говорах.

Итак, в говорах, развивающих недиссимильативное аканье, имеют место как будто диссимильационные процессы: появляется *a* перед ударенным «не-*a*»: *вады́*, *ваду́*, *кас'и́*. С другой стороны, широко проявляется ассимильация гласных: а) на месте *o* ранее всего появляется *a* перед ударенным *a*: *вада́*; б) появляется *a* вместо *o* и в других предударных слогах при наличии *a* под ударением: *заладна́вита*; в) удерживается *o* перед ударенным *o*, а также и в других предударных слогах при наличии *o* под ударением: *холодо́к*, а также в заударных слогах при наличии *o* в конце слова: *ка́ждого*, *дубо́вого*.

Хотя в окающе-акающих говорах Белоруссии устанавливается определенная зависимость предударного гласного от природы ударенного,

¹⁷ О. Б р о к, Говоры к западу от Мосальска, Пг., 1916, стр. 7—10, 42, 89, 126.

эти связи к развитию диссимильативного аканья не ведут. По мере развития аканья, охвата аканьем всех позиций, в первом предударном слоге исчезает зависимость от гласного ударенного слога и устанавливается недиссимильативное аканье, которое охватывает и остальные безударные слоги, позже всего — конечный открытый слог.

Аналогичные этапы развития аканья из оканья засвидетельствованы и в русских говорах. Оканье с ассимильативным аканьем отмечено в некоторых говорах Московской, Владимирской, Горьковской и Калининской областей, аканье с ассимильативным оканьем — в нескольких населенных пунктах Калининской области¹⁸.

При вокализме полновского и гдовского типа в псковских говорах также проявляется зависимость предударного гласного от ударенного. В гдовских говорах на месте *o*, *a* в первом предударном слоге произносятся только *a* в позиции перед гласными верхнего и нижнего подъема под ударением. Перед ударенными *o*, *e* имеется различие *o* и *a*, т. е. сохраняется оканье (ср. конковичский тип в Белоруссии). Существует разновидность этого типа с произношением перед ударенным *o*, *e* гласного, близкого к *y*: *курбеа*, *уд'бжа*, *ку мн'е*. Аналогичная зависимость предударного гласного от ударенного наблюдается и в системе после мягких согласных: '*a* — перед *a*, *и*, *ы*, *у*: *р'акá*, *йамў*, *з'амл'ў*; перед *o*, *e* произносятся *e*: *т'еб'е*, *с'ест'бр*, в говорах с «уканьем» — *и*: *р'ижбй*, *д'ит'ей*¹⁹.

При вокализме полновского типа неразличение гласных неверхнего подъема имеет место только перед ударенными гласными верхнего подъема, в остальных позициях сохраняется различие *o* и *a*; то же самое наблюдается и в системе после мягких согласных, при этом проявляются элементы аканья и яканья при различении гласных неверхнего подъема, что свидетельствует о тенденции к развитию недиссимильативного аканья. Описавшая эти говоры Т. Ю. Строганова справедливо считает, что псковское недиссимильативное аканье и яканье являются последующим этапом развития гдовского и полновского вокализма²⁰.

Встает вопрос: является ли зависимость предударного гласного от характера ударенного, наблюдаемая в гдовских, полновских и белорусских окающе-окающих говорах, проявлением диссимильативного принципа? Почему этот принцип исчезает при дальнейшем развитии аканья (в этих говорах развивается недиссимильативное аканье)? Можно ли говорить о «наложении» диссимильативного принципа на вокализм юго-западных и южных белорусских говоров, развивающих аканье недиссимильативного типа? В какой связи находятся явления диссимильации и ассимильации в вокализме диссимильативного типа и окающе-окающих говоров, развивающих недиссимильативное аканье?

Общезвестен факт диссимильативной зависимости гласных первого предударного слога от качества ударенного гласного в говорах с диссимильативным аканьем. В говорах северо-восточной Белоруссии с диссимильативным аканьем жидринского типа явственно выступает принцип диссимильации: этимологические *o*, *a* совпадают в звуке *a* перед всеми ударенными гласными, кроме *a*: *вадб́*, *вадў́*, *вадб́й*, *вадз'е́*; перед ударенным *a* выступает «не-а», т. е. *ъ* — *ы*, *у*, иногда *й*: *вѣд́а* — *выд́а* — *вад́а*, *кума́р*.

¹⁸ «Русская диалектология», под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой, М., 1964, стр. 39—41.

¹⁹ Т. Ю. Строганова, Предударный вокализм северо-запада Псковской области, «Материалы и исследования по русской диалектологии». Новая серия, III. М., 1962, стр. 101—111; «Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров», стр. 422—424.

²⁰ «Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров», стр. 443.

Явления диссимилиации в этих говорах нередко наблюдаются и в других предударных слогах аналогично диссимилиации гласного первого предударного слога перед гласным под ударением: на месте *о*, *а* во втором предударном слоге произносится *а* при наличии *и*, *ы*, *у* в первом предударном слоге: *пац'игáй*, *палучáй*, *вас'ил'бк*, *гарбузá*, но появляется *ъ* — *ы*, *у* при наличии *а* в первом слоге: *гълавъ*, *мълады*, *стынав'и*, *кумары*. В ряде говоров отмечены подобные отношения между гласными заударного и ударенного слогов.

Однако подобные явления реакции гласных второго предударного слога на гласные первого предударного слога отмечены и в говорах с позиционной долготой гласных, где удлиняется, заметно повышается тон голоса на *а* во втором предударном слоге при гласных верхнего подъема в первом слоге перед ударением: *зáгуб'и́у*, *пáзб'ирáла*, *пáхудáла*, чем создается впечатление наибольшей полновесности и силы этого слога (д. Деражичи и Ручеевка Лоевского района Гомельской области БССР)²¹. Спорадически отмечено *á* во втором предударном слоге в черниговских говорах: *нá лугáх*, *нá гунн'é*²². Отмечена реакция гласного второго предударного на гласный первого предударного слога и в гдовских говорах: если в первом предударном слоге *и*, *ы*, *у*, то во втором предударном произносится *а*: *валукнó*, *падугр'éла*; при *а* в первом предударном во втором предударном появляется *ъ* — *ы*, *у*: *хырашó*, *мулакó*, реже встречаются: *мулукó*, *малакó*²³.

Вместе с тем, в говорах с диссимилативным, как и с недиссимилативным аканьем, распространены процессы ассимиляции гласных безударных слогов: редуцированные безударные гласные ассимилируются гласным ударенного или более сильного безударного слога, соседним губным или заднеязычным согласным: *пуруб'и́у*, *дўмуйучы*, *пугудувáла*, *гблуду*; *жаватнавóд*, *балá*, *бамáжка* (северо-восточные белорусские и смоленские говоры)²⁴. Следует учесть, что недиссимилативное аканье на месте диссимилативного также возникает ассимилятивным путем, т. е. вследствие перехода редуцированного гласного в первом предударном слоге в *а* при наличии *а* под ударением: *вьдá* > *вáдá* > *вадá* (в говорах северной половины Минской и западной части Витебской области Белоруссии).

Аналогичные процессы развития недиссимилативного аканья на месте диссимилативного наблюдаются и в русских говорах. В орловских говорах недиссимилативное аканье сочетается с разными типами диссимилативного и умеренно-диссимилативного яканья; в системе вокализма после твердых согласных встречаются следы ранее существовавшего тут диссимилативного принципа — произношение *ъ*, *у*, *ы* на месте *о*, *а*: *дъмá*, *цымá*, *рукувó*, *гбрът*²⁵. В говорах Белгородской и Воронежской областей отступления от диссимилативной системы также наблюдаются чаще всего в вокализме после твердых согласных: появление *а* перед ударенным *а* свидетельствует о нарушении самого диссимилативного принципа и развитии недиссимилативного аканья²⁶.

²¹ Т. С. Я н к о в а, Гласные в переходном говоре Лоевского района, «Уч. зап. Гомельск. пед. ин-та», 3, Минск, 1956, стр. 153.

²² О. С. Б í л а, указ. соч., стр. 248.

²³ «Образование севернорусского наречия...», стр. 428—430.

²⁴ Н. Т. В а й т о в и ч, Ненаціскны вакаліам народных гаворах Беларусі, Мінск, 1968, стр. 182—184; П. А. Р а с т о р г у е в, Говоры на территории Смоленщины. М., 1960, стр. 45—48, 51—53.

²⁵ С. И. К о т к о в, Говоры Орловской области со стороны их вокализма, «Уч. зап. Орловск. гос. пед. ин-та», V, Кафедра русск. языка, 2, 1951, стр. 58—60, 97, 101—102.

²⁶ К. Ф. З а х а р о в а, Архаические типы диссимилативного яканья в говорах Белгородской и Воронежской областей, «Материалы и исследования по русской диалектологии», I, М., 1959, стр. 15, 24, 44, 51.

Рассмотренные диалектные материалы также позволяют сближать пути развития диссимилятивного и недиссимилятивного аканья, показывают, что между этими типами вокализма нет непреодолимого разрыва.

3. Наличие диссимиляционных и ассимиляционных отношений между гласными первого предударного и ударенных слогов в современных говорах с диссимилятивным аканьем и в окающе-акающих, развивающих недиссимилятивное аканье, а также между гласными второго и первого предударного слогов указывает на сложные причины таких явлений и не позволяет объяснять их только действием принципа диссимиляции.

Обращает на себя внимание, что зависимость гласных предударного слога от гласного под ударением при аканье обычно носит характер противопоставления гласных неверхнего подъема гласным верхнего подъема. Экспериментальные данные, полученные Л. В. Златоустовой и др., показывают, что в современном русском языке гласные верхнего подъема являются более краткими, чем гласные неверхнего подъема. Наиболее длительными гласными являются *a* и *o*, затем следует *e*; более краткие гласные — *y*, *ы*, *и*. Наиболее ярко выступает различие этих групп гласных под ударением в абсолютном начале и в конце слова²⁷; эти группы гласных различаются и в безударных слогах: «узкие» — *и*, *ы*, *у*, «широкие» — *a*, *o*, *e*. Четкое различие «узких» и «широких» гласных наблюдается, например, в абсолютном начале слова, где абсолютная длительность гласных в первом предударном слоге в позиции перед сонантом в начале фразы равна для *a*, *o* — 87, *e* — 79, *ы*, *и*, *у* — 67. Длительность гласного второго предударного слога падает по сравнению с длительностью гласного первого предударного слога и абсолютного начала слова. Отношение длительности группы *a*, *o*, *e* к общей длительности слова в разных позициях больше, чем у группы *ы*, *и*, *у*. Максимальная степень количественной редукции свойственна «широким» гласным; максимальная редукция отмечена у гласных первого заударного слога²⁸.

Таким образом, различие гласных верхнего и неверхнего подъема в современном русском языке связано с количественными отношениями, которые, как один из признаков, находятся в соответствии с определенным уровнем напряженности, интенсивности и т. д. Конечно, эти количественные отношения отличаются от древних количественных отношений гласных; тем не менее понимание количественной стороны взаимоотношений современных гласных помогает понять некоторые явления, в частности, дает возможность объяснить позиционную зависимость гласных первого предударного слога от гласных под ударением. Перед более краткими гласными *и*, *ы*, *у* произносится более долгий гласный *a* (из *a*, *o*) при разных типах диссимилятивного аканья и в современных окающе-акающих говорах (белорусских и гдовско-псковских), развивающих недиссимилятивное аканье. Особенно ярко вскрывается это противопоставление в говорах с позиционной долготой: *ā*, *ō*, *ē* перед *у*, *ы*, *и*. Появление *a* отмечено в ряде говоров с диссимилятивным аканьем и позиционной долготой во втором предударном слоге при *ы*, *и*, *у* в первом слоге, иногда такие соотношения наблюдаются и в заударных слогах. Перед гласными с большей длительностью (*a*, *o*, *e*) гласные неверхнего подъема произносятся короче: *ъ* перед *a*, *o*, *e* в архаическом типе диссимилятивного аканья, *a*, *ā* — в чернигов-

²⁷ Л. В. Златоустова, Длительность гласных и согласных звуков русского языка, «Уч. зап. Казанск. гос. ун-та», 114, кн. 6, 1954, стр. 107.

²⁸ Л. В. Златоустова, И. Г. Фролова, Е. В. Ленина, И. П. Оловяникова, И. Ф. Бывшева, Исследование длительности неударных гласных в зависимости от фразовых условий, сб. «Семантические и фонологические проблемы прикладной лингвистики», М., 1968, стр. 74, 89—91, 93—95, 97—98, 103.

ских с позиционной долготой. Следует учесть, что в говорах *о*, *е* могут функционировать как гласные верхнего или нижнего подъема, что вызывает соответствующую реакцию предударного гласного и определяет тип диссимилятивного аканья — яканья.

Редуцированные гласные в первом предударном слоге появляются перед более длительными ударенными гласными: *ъ* перед *а* (жиздринское аканье), *ъ* перед *а*, *о*, *е* (архаический тип диссимилятивного аканья). Аналогичная картина наблюдается и в системе после мягких согласных: *и* перед ударенным *а* (жиздринское яканье), *и* перед *а*, *е*, *ё* (суджанское яканье), *и* перед *а*, *о*, *е* (обоянское яканье) и т. д.

Количественными отношениями гласных предударного и ударенного слогов хорошо объясняется наличие различных этапов развития аканья из оканья, факт начального этапа развития аканья именно в позиции перед ударенным *а*: перед более длительным гласным *а* в говорах, где намечается развитие аканья, предударные *о*, *а* произносятся слабее, *о* теряет лабиализацию и переходит в *а*; затем развивается произношение длительного гласного *а* перед краткими гласными верхнего подъема. Перед гласными среднего подъема *о*, *е* дольше удерживается различие гласных, поддержанно сохранением лабиализации *о* перед ударенным *о* вследствие ассимиляции гласных. В окающе-акающих говорах происходит ассимиляция более слабых безударных гласных более длительным *а* и *о* под ударением: *галаднава́та*, *холодбк*.

При переходе от фонологического принципа оканья к аканью происходит перераспределение количественных отношений безударных и ударенных слогов, чем определяются начальные этапы развития аканья. Акающий вокализм развивается из фонологически ослабленной системы в связи с позиционным перераспределением количества. В зависимости предударного гласного от природы ударенного отражаются следы существовавших ранее количественных отношений между гласными этих слогов, а также проявляются современные количественные отношения, воспринимаемые нами как отношения гласных по качеству или по подъему и создающие впечатление диссимилятивной системы²⁹.

Еще преждевременно делать окончательные выводы о причинах, времени и территории возникновения позиционной долготы гласных, так как нам известны далеко не все говоры, где сохранилась эта особенность. Кроме того, уже сейчас обнаружены говоры с долгими гласными не только в первом предударном слоге. В белорусских говорах мне известна не только позиционная долгота в первом предударном слоге, но и долгота гласных под ударением. В некоторых говорах эти виды долгот сосуществуют (с преобладанием одного или другого типа), в других долгота представлена только в одной позиции. Поэтому представляется очень важным выяснить взаимосвязи между функционированием долгот в разных позициях, определить тенденции в их развитии. Но это — предмет дальнейшего исследования.

Пока только можно сказать, что позиционная долгота по сравнению со старыми долготами — явление новейшего происхождения, возникшее в период сокращения исконно долгих гласных *и*, *ы*, *у*, вызвавшего возмостительное удлинение гласных предударного слога. Последнее само по себе является фактом относительно позднего времени, и, вероятно, связано с падением редуцированных, при котором также происходило возмоститель-

²⁹ На основе экспериментальных исследований Г. Конечна высказала мнение о развитии диссимилятивного аканья в русском и белорусском языках вследствие различий в количественных признаках гласных, а не вследствие диссимиляции их: перед самым долгим гласным *а* появляется самая сильная редукция предударного гласного, самыми краткими гласными являются *и*, *ы*, *у* (Г. К о н е ч н а, Ассимиляция и диссимиляция, ВЯ, 1958, 3, стр. 93).

ное удлинение предшествующего слога. Сам принцип позиционного разграничения долгот уже изменился: здесь наблюдается позиционная зависимость любого предударного гласного неверхнего подъема (в том числе и исконно кратких *о*, *е*) от природы ударенного гласного. Количественная зависимость гласного предударного слога от гласного под ударением, гласного второго предударного слога от гласного первого предударного — это принцип синтагматического взаимодействия уже нового времени. В современных же говорах позиционная долгота является архаизмом, реликтом более старых количественных взаимоотношений гласных первого предударного и ударенных слогов; трактовать позиционную долготу как явление, характерное для современных говоров, не следует.

Овтюковский путь развития аканья при позиционной долготе гласных первого предударного слога — это, вероятно, один из возможных путей развития аканья в более ранний период. В современных говорах аканье развивается без наличия позиционных долгот гласных, но следы количественного перераспределения между гласными первого предударного и ударенного слогов еще сохраняются на начальных этапах развития аканья из оканья. Овтюковские говоры, сохранившие позиционную долготу, наиболее ярко показывают начальные этапы развития аканья из исходной фонологически ослабленной системы. Аканье в этих говорах возникло позднее развития позиционной долготы, оно развивается в специфических условиях, поэтому процесс его становления несколько отличается от развития аканья в современных русских и белорусских говорах. Однако именно овтюковские говоры помогли понять характер взаимодействия между гласными первого предударного и ударенного слогов, объяснить причины реакции гласных предударного слога на характер ударенного гласного в остальных современных говорах, развивающих недиссимилятивное аканье. Там, где сохранялась позиционная долгота гласных первого предударного слога, в этой позиции задерживалось развитие аканья (овтюковские говоры), в черниговских говорах аканье развилось и в долгих слогах (единичные примеры этого процесса наблюдаются и в овтюковских говорах), долгота предударного слога задержала развитие аканья в первом предударном слоге во владими́ро-пово́лжских говорах.

Детальное экспериментальное исследование позиционной долготы и сопутствующей ей интонации, выяснение причин и времени ее возникновения, территории распространения, привлечение данных акцентованных памятников письменности дадут, вероятно, новые доказательства происшедшего некогда удлинения гласных неверхнего подъема в позиции перед гласными верхнего подъема, ярче вскроют связи этого явления с развитием аканья.